

Матадора

Алерия-Элиза Вейсс

18+

Алерия-Элиза Вейсс Матадора

<https://litres.ru/74209599>

SelfPub; 2026

Аннотация

Калда станет первой женщиной, вышедшей на главную арену, — живым доказательством свободы, равенства и новой эпохи. От неё требуется совсем немного: победить, улыбнуться толпе и произнести заранее написанные слова.

Калда получает самого опасного противника. Теперь на песке ей предстоит сразиться не только с разъярённым зверем, но и с государством, которое умеет превращать человеческую боль в праздник, непокорность — в лозунг, а женщину — в символ.

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Алерия-Элиза Вейсс Матадора

За три часа до боя Снег уже стоял на коленях. Передние ноги подломились, морда слегка касалась соломы, из пасти тянулась тонкая нить слюны. Белое пятно между рогами — то самое, из-за которого быку дали кличку, — потемнело от пота и грязи.

Илса опустилась рядом.

— Тише.

Глупое слово. Огромное животное её не знало, не понимало, не просило успокаивать, но мутный, налитый красными прожилками глаз повернулся к ней. Второй не открывался.

Илса осторожно провела пальцами по веку. Кожа была горячей, на ресницах засох белёсый порошок.

— Что они с тобой сделали?..

Бык дёрнул головой, цепь звякнула о кольцо в стене.

В стойле пахло навозом, железом и чем-то аптечным. Не естественной болезнью — работой человеческих рук. Илса знала этот запах. Таким раствором в военных лазаретах смазывали кожу перед тем, как ввести иглу.

Она отодвинула складку на шее.

Там и обнаружился свежий прокол. Рядом темнел второй. Илса быстро оглянулась. В коридоре не было никого. Только за стеной били копытами другие быки, ещё бодрые, злые. С улицы доносились голоса рабочих: кто-то смеялся, кто-то стучал молотком по доске, готовя арену к великому государственному празднику.

Великому.

Так было написано на каждом столбе столицы.

«ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА НА ГЛАВНОЙ АРЕНЕ СТРАНЫ».

Под надписью — лицо Калды.

Белые волосы зачёсаны назад, серые глаза смотрят прямо, враждебно. На губах нет улыбки, но художник всё равно приподнял уголки рта, чтобы народ не испугался слишком независимой женщины.

Ниже шли слова:

«НОВАЯ РОДИНА НЕ ЗНАЕТ ПРЕГРАД».

Илса ненавидела этот плакат, особенно после того, как увидела оригинальную фотографию. На ней Калда стояла после тренировки — уставшая, с разбитой губой, в испачканной рубашке. Она глядела на фотографа так, будто сейчас отнимет камеру и разобьёт её о стену.

Из этого взгляда сделали обещание счастливого будущего, из разбитой губы — помаду, из человека — доказательство. Снег тяжело качнулся.

Илса подставила плечо под его голову, хотя понимала, что

не удержит, если он упадёт. Шерсть была влажной, грубой. Под кожей дрожали мышцы.

— Воды ему давали? — спросила она, не оборачиваясь.
За спиной наступила тишина.

Илса медленно выпрямилась.

У входа в стойло стоял смотритель. Невысокий мужчина с красным лицом, в засаленном жилете. Ещё минуту назад его не было.

— Давали, — кивнул он.

— Когда?

— Утром.

— Сколько?

— Сколько положено.

— Это не количество.

Смотритель нахмурился.

— А ты кто такая?

— Врач.

— Врачи людей лечат.

— Иногда.

Она вновь коснулась шеи быка.

— Что ему ввели?

Мужчина шумно втянул воздух через нос.

— Ничего.

— Два прокола.

— Витамины.

— Один зрачок не реагирует на свет.

— Нервничает.

— Он обезвожен.

— Все перед боем нервничают.

Илса поднялась.

Она была ниже зрителя, тоньше, выглядела моложе своего возраста; русые волосы выбились из-под косынки и прилипли к слегка смуглому лбу.

Обычно люди принимали её мягкий голос за робость. До первого прямого вопроса.

— Что ему ввели?

— Я тебе уже сказал.

— Нет. Ты назвал слово, которым прикрывают ложь, когда не хватает фантазии.

Красное лицо стало багровым.

— Слушай, девочка...

— Позовите распорядителя.

— Пошла вон отсюда.

— Позовите распорядителя, или я сама выйду к журналистам и скажу, что быка подготовили так, чтобы ваша государственная героиня случайно не проиграла.

Мужчина замер.

Илса тоже.

Теперь оба понимали: назад не отступить.

Снег за их спинами снова попытался подняться. Копыто скользнуло по соломе, цепь натянулась. Бык глухо выдохнул и рухнул на бок.

Смотритель выругался.

Илса уже была рядом.

— Воду. Быстро.

— Ему нельзя перед...

— Воду!

Мужчина дёрнулся к двери, и тогда в коридоре послышалось неторопливые шаги.

Калда вошла в стойло уже одетой для выхода. Пока без чакетилы — тяжёлой расшитой куртки, в одной рубашке и высоких чулках. Узкие чёрные брюки подчёркивали сильные ноги, белые волосы были туго собраны на затылке, что ни одна прядь не выбивалась. На светлой коже резко выделялся старый шрам у виска.

Стальные глаза сначала скользнули по Илсе, затем по лежащему быку.

На смотрителе остановились дольше.

— Выйди, — велела Калда.

— Сеньора, тут недоразумение...

— Я сказала: выйди.

— Распорядитель велел не допускать...

Калда повернула голову.

Больше ничего не потребовалось.

Мужчина отступил, но на пороге попытался вернуть себе достоинство:

— Я сообщу господину Вега.

— Передай, что я сама к нему приду.

Дверь закрылась.

Илса расстегнула медицинскую сумку.

— Помоги перевернуть его голову.

— Он весит больше нас обеих.

— Я заметила.

Калда присела рядом. Снег почувствовал движение и дёрнулся, но сил на настоящий рывок не осталось.

— Осторожно, — предупредила Илса.

— Я не ребёнок.

— Поэтому и говорю. Дети слушаются лучше.

Они вдвоём приподняли тяжёлую голову быка и подложили под неё свёрнутое покрывало. Из коридора принесли ведро. Калда взяла его у перепуганного работника и поднесла к морде животного.

Снег не пил — только шумно дышал.

Илса смочила ладонь и провела по его губам. Бык шевельнул языком.

— Ещё.

Калда зачерпнула воду.

Несколько капель попали на её рубашку. Она не заметила.

— Его ослабили, — объяснила Илса. — Скорее всего, успокоительное. Возможно, что-то для нарушения координации. Глаз обработали раздражающим составом. И не давали воды.

— Насколько всё плохо?

— На арену его выпускать нельзя.

— Он умрёт?

— Не знаю.

Калда резко взглянула на неё.

— Скажи точнее.

— Я не могу сказать точнее.

— Тогда предположи.

— Он может прийти в себя, может получить необратимое повреждение, может умереть через час. Тебе выбрать наиболее удобный ответ?

Калда сжала ручку ведра.

— Не начинай.

— Я ещё не начала.

Снег наконец коснулся воды языком, потом попытался пить жадно, но закашлялся.

Илса отвела ведро.

— Медленно.

Калда подчинилась.

В этом было что-то настолько непривычное, что Илса едва не подняла на неё глаза.

— Ты знала? — поинтересовалась она.

— Нет.

— Они готовили тебе безопасную победу.

— Я поняла.

— И плакаты заранее напечатали.

— Их всегда печатают заранее.

— На них написано, что ты доказала равенство женщин.

— Я ещё ничего не доказала.

— Они считают иначе.

— Они много что считают.

Калда поставила ведро на пол.

Снег устало прикрыл здоровый глаз.

Калда медленно провела ладонью по белому пятну у него на лбу.

— Я потребуую замену.

Илса вскинула голову.

— Тебе дадут самого сильного.

— Пусть.

— Не из уважения. Они захотят наказать тебя.

— Пусть попробуют.

— На арене?

— Где ж ещё?

Илса выпрямилась.

— Ты можешь отказаться.

Калда убрала руку от быка.

— Нет.

— Можешь.

— Нет.

— Это не армия. Ты никому не обязана выходить.

— Я подписала контракт.

— Под угрозой исключения из гильдии.

— Я всё равно подписала.

— Калда.

— Не надо.

— Что?

— Говорить со мной этим голосом.

— Каким?

— Будто я уже лежу на столе в твоём лазарете, а ты пытаешься решить, какую часть меня ещё можно спасти.

Илса замолчала.

Калда поднялась. На колене осталось тёмное пятно от грязной соломы.

— Я выйду.

— Зачем?

— Потому что хочу.

— Правда? — изумилась Илса.

За стенами арены грянула музыка. Оркестр репетировал государственный гимн — тяжело, громко, на полтона выше человеческого терпения.

Снег вздрогнул.

— Когда я впервые пришла в школу, — выдохнула Калда, — мне объяснили, что женщины могут шить костюмы для матадоров. Потом разрешили ухаживать за лошадьми. Потом сказали, что особенно смелые могут работать в кассах арены.

— Какое великодушие.

— Я тоже так подумала. Я шесть лет добивалась права выйти против быка. Мне ломали пальцы на тренировках, мужчины отказывались работать со мной, потому что моё

присутствие оскорбляло традицию. Один наставник сказал, что у женщины слишком мягкие бёдра для правильного разворота.

Илса невольно перевела взор на её ноги.

— Ты ударила его?

— Нет.

— Зря.

— Я выиграла у его лучшего ученика.

— Тоже неплохо.

На губах Калды мелькнуло что-то похожее на улыбку, однако тут же исчезло.

— Если я откажусь сегодня, они не скажут, что власти подстроили бой, не скажут, что быка мучили. Они напишут: женщина испугалась. И следующую не допустят ещё двадцать лет.

— Значит, ты должна рискнуть жизнью, чтобы неизвестная женщина через двадцать лет получила право рисковать своей?

— Не передёргивай.

— Я не передёргиваю — я пытаюсь понять цену.

— Она моя.

— Нет. Они уже повесили твоё лицо на каждый дом. Ты для них не человек, а ответ за всех женщин сразу. Победишь — государство великодушно, ошибёшься — женщины слабы, погибнешь — станешь мученицей новой эпохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.